

ВАРИАЦИИ С ОДНОЙ НЕИЗВЕСТНОЙ

На излете XIX века Эдуард Элгар сочинил «Энигма-вариации». Загадка этого музыкального произведения в том, что в его четырнадцать частях зашифрованы имена друзей композитора. Как выяснилось позднее, была там и еще одна тема, но автор подсказок не дал. Через столетие драматург Э.Э. Шмитт написал «Загадочные вариации», не только позаимствовав у Элгара название, но и сделал музыку системообразующим символом, который соединяет трех персонажей. Долгие годы пьеса с успехом шла и на мировых, и на российских подмостках. Теперь к ней обратился Кама Гинкас, поставив на сцене Московского ТЮЗа «Вариации тайны».

Словно бы заранее отвечая на вопрос, почему выбран именно этот, не самый захватывающий материал, где интрига просчитывается минимум на три шага впе-

ред, режиссер предупреждает: «Пьеса, при всей детективной закрученности, конечно же, про любовь. Что есть любовь и что есть женщина? Что делает любовь с человеком, попавшим в ее силки?». Гинкас ищет ответы, и шмиттовский текст в данном случае лишь набросок к его большому философскому полотну. «Детективные» повороты сюжета не имеют особого значения, важнее разобраться во множественных вариациях взаимоотношений мужчины и женщины, где один способен отдавать, а другой присваивать. Два больших актера — Валерий Баринов и Игорь Гордин — слой за слоем снимают со своих персонажей защитный «камуфляж», добываясь до сердцевины, отмечая все мотивации, кроме главной. Это любовь к женщине, которая кардинально меняет и наполняет смыслом их жизни, «дирижирует» поступками и — остается загадкой.

Абель Знорко — И. Гордин, Эрик Ларсен — В. Баринов

«Вариации тайны». Сцена из спектакля

В сценографическом пространстве **Сергея Бархина**, где все словно застыло на стыке перехода дня в полярную ночь и где только угадываются первые отблески северного сияния, есть главная точка притяжения — силуэт сидящей спиной обнаженной женщины на черно-белой фотографии. Это она послужила причиной встречи на острове Рёзваннёе в Норвежском море двух антиподов — облаканного мировой славой писателя и ничем не примечательного учителя музыки из глухой провинции. Первый, Абель Знорко, живет в полном уединении, почти полностью обрубив связи с внешним миром. Второй, Эрик Ларсен, проникает в это убежище под видом журналиста, чтобы записать интервью по поводу выхода в свет новой книги знаменитого отшельника.

Оба ведут себя странно. Писатель, облаченный в бархатный халат и спортивную вязаную шапочку, палит из ружья в Ларсена, не признав в нем приглашенного им же

самим журналиста. Гость, представляющий якобы местную газету, забывает включить диктофон и пытается свести интервью к одной теме — кому посвящена новая книга Абеля Знорко и кто является прототипом центрального женского персонажа? Один ведет себя почти оскорбительно по отношению к собеседнику, другой уколов не замечает, но его нарочито наивные вопросы заставляют нобелевского лауреата нервничать.

Валерий Баринов играет своего Ларсена с ювелирной точностью, подключая мельчайшие психологические детали, — семенящая походка, услужливо наклоненная голова, постоянно мешающие руки. И вдруг в облике этого чудака в смешных вязаных гольфах, допотопной жилетке и галстуке проявляется совсем иной человек. Сначала в ироничных выпадах в сторону писателя: «Вы для меня слишком блестящи, вы меня ослепили...», — давая понять, что книги Знорко не очень-то его увлекают. Потом, когда раскроется правда и Лар-

Эрик Ларсен — В. Баринов, Абель Знорко — И. Гордин

сен объяснит истинную причину своего визита, его походка станет твердой, спина выпрямится, во взгляде появится спокойствие волевого человека.

Другой участник этой истории — надменный, временами откровенно жестокий Абель Знорко — способен подстрелить любого, кто проникнет на запретную территорию. Сомнений нет. И легко верить, что его ничуть не интересуют слава, деньги, а прикрепленная к халату нобелевская медаль не ценней дешевой побрякушки. Игорь Гордин соединяет в своем персонаже снобизм пресыщенного литератора и беспомощность человека, утратившего много лет назад что-то очень важное. Он узнает о смерти возлюбленной, с которой сознательно расстался, заменив живые отношения виртуальными и огра-

ничившись перепиской, и защитная оболочка слетает. Под ней растерянный, одинокий, еще не старый мужчина, чья жизнь теперь так же бесполезна, как груды упаковок с его последней книгой. Лучшей книгой, между прочим, ведь в ее основе реальные письма.

У Эрика Ларсена все иначе: его любовь проросла из многолетней дружбы и человеческой привязанности. Он знает, что ему лишь «позволяют» любить, но имеет ли это значение? Вряд ли стоило проверять глубину и подлинность его чувств, но судьба не спрашивала. За тяжелой болезнью и смертью жены последовало страшное открытие: все годы их знакомства, а потом и супружества она вела вторую жизнь. Точнее, страстный роман в письмах к Абелю Знорко. «Я не хотел, чтобы она умирала. И она жила», — твердо говорит Ларсен. Два года в браке и десять лет переписки под именем Элен. Ровно до той поры, пока Знорко не опубликовал последнюю книгу.

Этих абсолютно разных мужчин соединила одна женщина, выстроила для каждого из них свою реальность, проросла в них навечно. Еще она сделала им подарок — одну и ту же пластинку с «Вариациями тайны» Элгара. Но сколько бы они ни вслушивались в эту мелодию, последнюю, зашифрованную тему им не раскрыть. Так же, как не узнать, какой в действительности была Элен, кого из них по-настоящему любила, да и любила ли...

Персонаж Игоря Гордина размышляет в финале о том, что «любим мы всегда лишь призраков, а все остальные для нас — загадка, которую нам никогда не разгадать». Осознание упущенного времени, невозможность расторгнуть тот давний эгоистичный договор с любимой женщиной подводят его к последней черте. Но, кажется, Элен вновь вмешивается в ситуацию и словно бы поручает этих двоих другу другу. Они больше никогда не встретятся, но слова Абеля Знорко, обращенные к мужу Элен, почему-то не кажутся странными: «Я вам напишу...».

Елена ГЛЕБОВА

Фото Елены ЛАПИНОЙ предоставлены театром